

КОНФЛИКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СЕЛЬСКОМ СООБЩЕСТВЕ СИБИРИ: СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И «КИРГИЗСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ» В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВВ.

В научной статье на основе репрезентативных источников рассматриваются вопросы конфликтного поведения между основными «пришлыми» социальными группами и автохтонным населением сибирского локального сообщества в конце XIX—начале XX вв. Автор раскрывает внешние и внутренние механизмы формирования стратегий поведения, контактов/конфликтов «киргизского населения» и сельских предпринимателей региона. В публикации делается вывод о том, что предприниматели в аграрной сфере и представители «местного» локального сообщества выступали носителями конфликтного сознания, специфика которого заключалась в осознании противоборствующими сторонами противоположности своих ценностей, интересов, целей и превращения их в мотивацию активности. Социально-политические и экономические перемены начала XX в. еще сильнее запутали и усложнили процесс взаимоотношений между «киргизским» населением и сельскохозяйственными предпринимателями.

Ключевые слова: социальный конфликт, конфликтное сознание, киргизское население, казахи, сельские предприниматели, революция, Гражданская война, земельные захваты.

Современная гуманитаристика характеризует повышенным интересом научного сообщества к тематике социальных конфликтов. Это очень интересный и важный пласт междисциплинарных исследований, без которых невозможно понять поведенческие реакции и стратегии как социальных групп, отдельных личностей, так и специфику российского общества позднеимперского периода. Новая имперская история, как современная оптика исследования, с ее вниманием к национальным и региональным проблемам добавила актуальности исследовательским практикам в указанном проблемном поле. Обострение/усложнение национальных процессов на окраинах империи, а также формирование собственно русского национализма, актуализирует общественно-политический дискурс о «мире цивилизации» и «мире дикости», который постепенно наполняется новыми, в том числе этническими, территориальными, конфессиональными характеристиками.

В условиях междисциплинарных исследовательских практик и новых методологических дискурсов сибирская историческая наука демонстрирует практически полное единение в оценках переселенческого движения в Сибирь второй половины

XIX—начала XX вв., указывая на то, что включение/адаптация переселенцев-мигрантов в новый социокультурный контекст реализуется в ситуации потенциальной конфликтности. Эта ситуация характеризуется столкновениями старых стратегий и практик поведения с новыми ментальными представлениями, новыми нормами жизни прошлого и коренного населения окраины империи.

Необходимо признать, что Сибирь, как осваиваемая окраина империи, многими современными авторами характеризуется как «зона фронта», территория особых социальных условий, где конфликт разворачивается в области взаимодействия культурных, социально-экономических и национальных отношений. Учитывая эти факторы, актуальным представляется рассмотрение конфликтных ситуаций между различными этническими группами в сельском сообществе региона.

Современное историческое исследование строится с учетом не только принципа междисциплинарности, но и взаимодействия различных исследовательских направлений и историографических жанров. Поэтому в научной статье нами востребованы категории и методы «новой имперской истории», новой социальной истории, что отражает

изменение проблематики исследования, использования источниковой базы. Исследование представляет собой сочетание макроистории, позволяющей показать социальные группы в условиях конфликта, и микроистории, которая концентрирует внимание на ментальных установках и стратегиях поведения отдельных представителей социальных групп. Нам видится, что данная исследовательская оптика в итоге позволит показать сложную конфигурацию взаимодействия имперской власти и местных обществ, систему и варианты контактов/конфликтов между имперской властью, сословными/социальными/национальными группами/сообществами в пространстве империи.

В период массового переселения, революции и Гражданской войны в Западной Сибири наблюдалось обострение межэтнических отношений между народами, проживавшими в регионе. Камнем преткновения автохтонного населения и основных социальных групп локального сообщества был земельный вопрос. По данным официальной статистики накануне Первой мировой войны коренные жители в Тобольской губернии составляли 4,6 % населения губернии, в Томской — 6,4 %, в Акмолинской области — более 30 %, а в Семипалатинской — свыше 60 % населения области [1, с. 514]. В последних двух регионах абсолютное большинство автохтонного населения, так называемых «инородцев», составляли киргизы (казахи).

Долгое время в отечественной историографии проблемам бытового национализма в региональном измерении не уделялось достаточного внимания. М. В. Шиловский впервые в современной литературе поднял вопрос о роли «бытового национализма русских крестьян», обострявшего межэтнические отношения в Сибири [2, с. 30]. При этом отметим, что подавляющая часть русских крестьян переселенцев в Сибири самоидентифицировали себя как по социальному статусу — «я крестьянин», так и по религиозной принадлежности — «я православный». В сибирской деревне самоидентификация по этнической принадлежности — «я русский», была крайне редким явлением [3, с. 296]. Да и этническое сознание аборигенных народов Сибири в этот период также находилось в стадии формирования, поэтому в русском языке они все назывались «инородцами» [3, с. 296].

Важно заметить, что особенность Сибири, как и многих других окраин Российской империи, выражалась в том, что здесь формировался и функционировал переселенческий социум [4, с. 14]. При этом современные события неоднократно подчеркивали, что в сибирской деревне наблюдается деление крестьянского мира на составные части, то есть имеется своеобразная граница между переселенческим («русским») и старожильским («сибирским») сообществами [4, с. 16; 5, с. 246].

В Западной Сибири достаточно сложные межэтнические отношения, зачастую конфликтного характера, наблюдались между разными социальными сообществами, в том числе между «киргизским населением» и сельскими предпринимателями. В связи с этим в центре нашего внимания находится сложная конфигурация механизмов формирования стратегий поведения, контактов/конфликтов этих социальных/национальных сообществ в условиях социокультурных и экономических изменений регионального пространства империи.

Процесс формирования сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири

во многом был связан с колонизацией окраины империи. Правительственная переселенческая политика, строительство Сибирской железной дороги «открыли» Сибирь для миллионов российских крестьян. В огромном миграционном крестьянском потоке из Новороссии, Крыма и других районов Европейской части империи направлялись в Сибирь и сельскохозяйственные предприниматели. В регион их влекла земля — основной ресурс сельского хозяйства, которую можно было приобрести или взять в аренду на длительный срок по «мизерным», в отличие от Европейской России, ценам [6, с. 70–153, 209–225].

Сибирская периодическая печать конца XIX — начала XX вв. пестрила публикациями, указывающими на широкое распространение в области сельскохозяйственного производства «капиталов», «знаний и предприимчивости» [7–9]. Более того, в указанных изданиях особо подчеркивается, что сельскими предпринимателями были «крупные сельские хозяева из пределов Европейской России» [8, с. 2–3], «вездесущие во всех русских степях тавричане, херсонцы и кубанцы — тип разбогатевших крестьян, подражающих во многом колонистам-немцам» [10, с. 2]. Следует отметить, что и сами «колонисты-немцы» составляли значительную часть предпринимательского сообщества региона [10, с. 2].

Особенности сибирского переселенческого социума предопределили формирование на локальном уровне в отношении сельских предпринимателей бинарной пары «мы — они», «свой — чужие». В этом контексте интересно заметить, что увеличение в Сибири в начале XX столетия «пришлого» населения, то есть переселенцев, и порожденное миграциями землеустройство, безусловно, у «местных сибиряков» вызывало недовольство, чувство опасения за свой «мир» и, соответственно, усиливало их единство, защиту традиций, своего «Мы» [4, с. 19].

Ситуация осложнялась тем, что массовые переселения на рубеже XIX–XX вв. породили ситуацию фронта и своеобразного противостояния между переселенцами, которых поддерживало государство, и аборигенными этносами юга Сибири [11, с. 69]. Дело в том, что, стимулируя переселения на окраину империи, российское правительство вынуждено было ограничивать землевладение и землепользование коренных народов. В результате в фокус внимания власти попала та часть земли, которая принадлежала коренным народам на основе обычного права, но официально считалась государственной [12, с. 141–142]. Более того, в перспективных планах имперской администрации будущее «инородцев» виделось в православии и переводе их на оседлый образ жизни. Посетившие Степной край в 1910 г. П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин утверждали: «Киргизы не могут вечно оставаться кочевниками, если они только способны к культуре. Опыт последних лет свидетельствует о их способности перейти к земледельческому быту и показывает, что русское переселение в степь, связанное с неизбежным сокращением площади кочевания, служит к тому могущественным и пока единственным побудителем. Поэтому ревниво оберегать киргизскую степь и кочевое хозяйство на черноземе от прихода сюда русского земледельца было бы во всех отношениях ошибочно, даже по отношению к самим киргизам» [13, с. 89].

Культурная «разница» между переселенцами, независимо новоселы это или старожилы, и «кир-

гизским населением» позволяла первым смотреть сверху вниз на вторых. «Обмануть киргиза, подстрелить его — самое обыкновенное для переселенца дело», — отмечал современник Е. Шмурло [14, с. 63]. В Сибири переселенцев постоянно пугало соседство «азиата», в их представлении киргизы — это «орда», «нехристи», «собаки» [15, с. 297–298]. «Русский крестьянин, — указывал профессор Г. К. Гинс, — в массе, даже не хочет считать за человека дикого номада («у него не душа, а пар»), и пока номад не станет таким же, как он, «человеком» по своим привычкам и потребностям (что во многих частях степи уже произошло), до тех пор идет процесс внутренней глухой борьбы» [16, с. 28]. Не случайно у киргизского населения региона в результате подобных отношений на уровне устных преданий появилась поговорка: «Увидишь друга русского — держи камень за пазухой» [17, с. 50].

Под напором переселений нарушилось шаткое равновесие в локальном сообществе между этносами и началось их противостояние [11, с. 69]. В этой ситуации практически все категории сибирского сельского населения, независимо от национальной принадлежности и имущественного положения, стремились в процессе землеустроительных работ начала XX столетия, а позже и в ходе революции, Гражданской войны получить или сохранить за собой как можно больше земли. Такая стратегия поведения объясняется тем, что они связывали свои надежды на «лучшую жизнь», прежде всего, с наличием в избытке пригодных для земледелия угодий. В этой логике, ситуация сокращения наделов ими воспринималась как вполне реальная угроза их благополучию, поэтому она и вызывала естественное противодействие всего сельского мира вне зависимости от социальной, конфессиональной или национальной принадлежности.

При этом важно заметить, что в традиционном обществе, а сибирское общество до строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и «демографической инженерии» было именно таковым, нет места для чужих. Как только появляется чужой, конфликт неизбежен, так как «пришелец» активизирует конфликтные факторы: внешний, проявляющийся в несходстве стереотипов поведения, и внутренний, затрагивающий эмоционально-психологическую структуру личности. «Монохромное» видение мира, характерное для традиционализма, позволяет в качестве чужака рассматривать любого, кто, так или иначе, «разрушает установленный порядок», отличается от принятого стандарта поведения или мышления [18]. Переселенцы из Европейской России (крестьяне, сельские предприниматели и др.), то есть «пришлые элементы», как раз и играли роль таких чужаков, которые несли перемены социокультурного характера, изменяя сибирскую повседневную реальность [19].

В связи с этим еще в дореволюционный период, киргизы активно пытались сохранить свои кочевые угодья. Изъятие земель, как отмечали имперские эксперты, порождало у «киргизского населения» «полную неуверенность в завтрашнем дне и из года в год растущее недовольство русскими властями» [20, с. 91, 92]. Так, земельный вопрос стал одной из причин восстания 1916 г. киргизского населения в Акмолинском, Атбасарском, Зайсанском, Павлодарском, Семипалатинском и Усть-Каменогорском уездах [2, с. 30]. Восстание имело ярко выраженную антирусскую направленность и сопровождалось вооруженным столкновением с правительственными

войсками и полицией [21, с. 154–156]. В отчете жандармов о настроениях населения в Акмолинской области за октябрь 1916 г. прямо говорится об антирусских настроениях киргизской массы в регионе: «Тревожные настроения среди крестьян, соприкасающихся с киргизскими волостями, продолжает наблюдаться, так как непокорные киргизы представляют из себя массы, враждебно настроенные против русских властей и вообще против всех русских, и продолжают иногда делать набеги на отдельные хутора» [22].

Революционные события 1917 г. еще более запутали ситуацию в Сибири. Сельское население восприняло «свободу», как «произвол», «вседозволенность», прежние моральные и юридические поведенческие ограничения стали утрачивать свою силу [23, с. 80]. Именно отсюда берут свое начало беззаконность, самоуправство, расправа и самосуд, явления, широко распространенные в революционную эпоху. Для сибирского сельского сообщества, которое ждало от революции земли, были характерны бесчинства, пренебрежительное отношение к инородцам в целом, в том числе и к киргизам, которые считались «лентяями», так как «земли не пахут», «сами не сеют хлеб, а пользуются чужим трудом» [3, с. 297; 24].

Подобное восприятие наступившей «воли» и негативное отношение к соседям сложилось и у киргиза. Они считали, что земельные угодья, которые принадлежали в прошлом их предкам, должны быть им возвращены. В этот период сибирская периодика публиковала массу сообщений с разных локаций Степного края о насилии над русским населением. При этом основной причиной такого поведения был земельный вопрос [3, с. 297–298].

Уже в условиях Гражданской войны в первой половине 1918 г. неоднократно грабежу со стороны киргизского населения были подвергнуты предпринимательские хозяйства региона. Министерство продовольствия Временного Сибирского правительства зафиксировало с февраля по июнь 1918 г. многочисленные факты кражи сена, племенного скота, разнообразного инвентаря и имущества в хозяйствах арендаторов земель Сибирского казачьего войска [25]. Помощник управляющего министерства продовольствия в своем докладе министру земледелия от 9 июля 1918 г. приводил многочисленные примеры грабежа киргизами таких хозяйств. Последним были отмечены как разграбленные владения Пархоменко, Подлесного, Нестерова, Луценко и др. Указанные хозяйства находились в основном в Павлодарском и Семипалатинском уездах Акмолинской области. Отметим, как было замечено в источнике, киргизы не только грабили имущество и скот, но и избивали сторожей, прибегали к пыткам и убийству лиц, препятствующих насилию и правонарушениям. Следует подчеркнуть, что именно эти и подобные хозяйства «являлись незаменимым источником, из которого население Сибирского края черпает и будет черпать племенной материал для улучшения продуктивности своего малокультурного скота, молочная и мясная производительность которого так низка и так нуждается в быстром ее повышении» [25, 26].

Таким образом, в Западной Сибири в изучаемый период формировались конфликтные модели поведения между «пришлым» сельским населением и проживающими в регионе инородцами. В этой связи, применительно к переселенческому сибирскому пространству, конфликт разворачивался

в области социокультурного взаимодействия и экономических отношений. Представители местного населения и сельские предприниматели в условиях трансформации сибирских реалий выступали в регионе носителями конфликтного сознания. Специфика конфликтного сознания заключалась в осознании противоборствующими сторонами противоположности своих ценностей, интересов, целей и превращения их в мотивацию активности. Сельскохозяйственным предпринимателям были характерны идеи, ценности, нормы, отличные от существующих в рамках культуры «дожелезнодорожного» сибирского общества и ситуации, связанной с «переселенческой революцией». Приехавшим в регион предпринимателям, в том числе и в аграрной сфере, были характерны новые ментальные представления. Поэтому они и начали своеобразную «борьбу» за ценности и имели претензии на определенный экономический и социокультурный статус. Отмеченные нами факторы конфликтности ответственны лишь за общую логическую схему, в рамках которой выстраивались взаимоотношения между ними.

При этом необходимо подчеркнуть, что без учета национальных аспектов невозможно понять ценностную структуру сознания, менталитет, поведенческие реакции и стратегии социальных групп сибирского общества.

Библиографический список

1. Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. 519 с.
2. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
3. Сушко А. В. Конфликты между «крестьянами и инородцами» в годы революции и Гражданской войны на территории Сибири // Социальные конфликты в истории России: материалы II Всерос. науч. конф. Омск, 30 ноября 2006 г. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 296–303.
4. Кротт И. И. Кризис идентичности сибирского крестьянского социума в условиях трансформаций конца XIX – начала XX вв. // История повседневности Западной Сибири: конец XIX – начало XXI вв.: моногр. / под ред. И. В. Курьшева. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2014. С. 8–26. ISBN 978-5-91307-254-2.
5. Материалы по переселению в Алтайский округ 1888–1892 гг. // Алтайский сборник. Томск: Паровая типолитография П. И. Макушина, 1894. Т. 1. С. 241–273.
6. Земли для коневодства и скотоводства в азиатской России: справочная книга для лиц, желающих арендовать скотоводческие казенные участки в степных областях, Туркестанском крае и в Сибири. СПб., 1913. 459 с.
7. Сибирские известия. Томск, 1905. № 6. С. 2.
8. Степной край. Омск, 1905. № 136. С. 2–3.
9. Омский телеграф. Омск, 1909. № 33. С. 2.
10. Сибирское слово. Томск, 1911. № 151. С. 2.
11. Шиловский М. В. Особенности поведенческих стереотипов сибирских крестьян во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирская деревня: проблемы истории: сб. науч. тр. / Под ред. В. А. Ламина. Новосибирск, 2004. С. 66–74.
12. Греков Н. В. К вопросу о характере взаимоотношений переселенцев и кочевников-казахов на территории Степ-

ного края в начале XX в. // Народнонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 1996. С. 141–143.

13. Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1911. 170 с.
14. Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск: Тип. Окружного Штаба, 1898. Кн. XXV. С. 1–64.
15. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва Общественная польза, 1905. 443 с.
16. Гинс Г. К. Переселения и колонизация. СПб.: тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. Вып. 1. 48 с.
17. Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск: Тип. Окружного Штаба, 1895. Кн. XVIII., вып. II. С. 1–64.
18. Макарьева Н. В. Формирование образа конфликта в традиционном менталитете // Социальные конфликты в истории России: материалы II Всерос. науч. конф. Омск, 30 ноября 2006 г. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 17–19.
19. Кротт И. И. «Аграрные беспорядки» сибирского крестьянства и сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в условиях революции (февраль–октябрь 1917 г.) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/115-12066> (дата обращения: 13.02.2014).
20. Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: сб. док. / Сост. Д. А. Аманжолова. Караганды: Изд-во КарГУ, 2005. 494 с.
21. Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Восстание 1916 г. в Казахстане (причины, характер, движущие силы). Алма-Ата: Наука, 1977. 164 с.
22. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 55.
23. Сморгин Е. В. Проявления девиантного поведения сибирского крестьянства как результат изменения психологии в революционную эпоху 1917–1920 гг. (по материалам сибирской периодической печати) // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: сб. науч. ст. / Под ред. В. Н. Худякова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. Вып. 8. С. 79–83.
24. Омский вестник. Омск, 1917. 25 ноября. С. 2–3.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 200. Л. 73–74.
26. ИАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 178. Л. 34.

КРОТТ Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), врио ректора.
SPIN-код: 8764-8293
AuthorID (РИНЦ): 357113
Адрес для переписки: ivkrott@mail.ru

Для цитирования

Кротт И. И. Конфликтное поведение в сельском сообществе Сибири: сельскохозяйственные предприниматели и «киргизское население» в условиях социокультурных трансформаций конца XIX – начала XX вв. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 45–50. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-45-50.

Статья поступила в редакцию 14.10.2019 г.
© И. И. Кротт

CONFLICT BEHAVIOR IN THE RURAL COMMUNITY OF SIBERIA: AGRICULTURAL ENTREPRENEURS AND «KYRGYZ POPULATION» IN CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS OF LATE XIX—EARLY XX CENTURIES

In the scientific article based on representative sources, issues of conflict behavior between the main «newcomers» social groups and the autochthonous population of the Siberian local community in the late XIX—early XX centuries are considered. The author reveals the external and internal mechanisms for the formation of behavioral strategies, contacts/conflicts of the «Kyrgyz population» and rural entrepreneurs in the region. The publication concludes that entrepreneurs in the agrarian sector and representatives of the «local» community acted as carriers of conflict consciousness, the specificity of which was the warring parties to recognize the opposite of their values, interests, goals and turn them into a motivation for activity. Socio-political and economic changes of the early twentieth century were further gotten confused and complicated the process of relations between the «Kyrgyz» population and agricultural entrepreneurs.

Keywords: social conflict, conflict of consciousness, Kyrgyz population, Kazakhs, rural entrepreneurs, revolution, Civil war, land seizures.

References

1. Voenno-statisticheskiy ezhegodnik armii za 1912 g. [Military Statistical Yearbook of the Army for 1912]. St. Petersburg, 1914. 519 p. (In Russ.).
2. Shilovskiy M. V. Politicheskiye protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917—1920 gg. [Political processes in Siberia during the period of social disasters 1917—1920]. Novosibirsk, 2003. 428 p. (In Russ.).
3. Sushko A. V. Konflikty mezhdru «krest'yanami i inorodtsami» v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny na territorii Sibiri [Conflicts between «peasants and foreigners» during the years of the revolution and the Civil war in Siberia] // Sotsial'nyye konflikty v istorii Rossii. *Sotsial'nyye Konflikty v Istorii Rossii*. Omsk: OmGPU Publ., 2006. P. 296—303. (In Russ.).
4. Krott I. I. Krizis identichnosti sibirskogo krest'yanskogo sotsiuma v usloviyakh transformatsiy kontsa XIX—nachala XX vv. [Identity Crisis Siberian peasant society in transformation late XIX—early XX centuries] // Istoriya povsednevnosti Zapadnoy Sibiri: konets XIX—nachalo XXI vv. [History of everyday life in Western Siberia: end of XIX—beginning of XXI centuries] / Ed. I. V. Kuryshchev. Ishim, 2014. P. 8—26. ISBN 978-5-91307-254-2. (In Russ.).
5. Materialy po pereseleniyu v Altayskiy okrug 1888—1892 gg. [Materials on resettlement in the Altai District 1888—1892] // Altayskiy sbornik. *Altayskiy Sbornik*. Tomsk, 1894. Vol. 1. P. 241—273. (In Russ.).
6. Zemli dlya konevodstva i skotovodstva v Aziatskoy Rossii: spravochnaya kniga dlya lits, zhelayushchikh arendovat' skotovodcheskiye kazennyye uchastki v stepnykh oblastyakh, Turkestanskoy kraye i v Sibiri [Land for horse breeding and cattle breeding in Asian Russia: a reference book for people wishing to rent livestock breeders in the steppe regions, Turkestan region and Siberia]. St. Petersburg, 1913. 459 p. (In Russ.).
7. Sibirskiy Izvestiya. *Sibirskiy Izvestiya*. Tomsk, 1905. No. 6. P. 2. (In Russ.).
8. Stepnoy Kray. *Stepnoy Kray*. Omsk, 1905. No. 136. P. 2—3. (In Russ.).
9. Omskiy Telegraf. *Omskiy Telegraf*. Omsk, 1909. No. 33. P. 2. (In Russ.).
10. Sibirskoye Slovo. *Sibirskoye Slovo*. Tomsk, 1911. No. 151. P. 2. (In Russ.).
11. Shilovskiy M. V. Osobennosti povedencheskikh stereotipov sibirskikh krest'yan vo vtoroy polovine XIX—nachale XX vv. [Features of behavioral stereotypes of Siberian peasants in the second half of the XIX—early XX centuries] // Sibirskaya derevnya: problemy istorii. *Sibirskaya Derevnya: Problemy Istorii* / Ed. V. A. Lamin. Novosibirsk, 2004. P. 66—74. (In Russ.).
12. Grekov N. V. K voprosu o kharaktere vzaimootnosheniy pereselentsev i kochevnikov-kazakhov na territorii Stepnogo kraya v nachale XX v. [On the nature of the relationship between immigrants and nomadic Kazakhs on the territory of the Steppe region at the beginning of the 20th century] // Narodonaselencheskiye protsessy v regional'noy strukture Rossii XVIII—XX vv. *Narodonaselencheskiye Protsessy v Regional'noy Strukture Rossii XVIII—XX vv.* Novosibirsk, 1996. P. 141—143. (In Russ.).
13. Poyezdka v Sibir' i Povolzh'ye. Zapiska P. A. Stolypina i A. V. Krivosheina. [A trip to Siberia and the Volga region. Note

by P. A. Stolypin and A. V. Krivoshein]. St. Petersburg., 1911. 170 p. (In Russ.).

14. Shmurlo E. Russkiye poseleniya za yuzhnyim Altayskim khrebtom na kitayskoy granitse [Russian settlements beyond the southern Altai ridge on the Chinese border] // *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Omsk, 1898. Bk. XXV. P. 1–64. (In Russ.).

15. Kaufman A. A. Pereseleniye i kolonizatsiya [Relocation and Colonization]. St. Petersburg, 1905. 443 p. (In Russ.).

16. Gins G. K. Pereseleniye i kolonizatsiya [Relocation and Colonization]. St. Petersburg, 1913. Issue 1. 48 p. (In Russ.).

17. Ostaf'yev V. Kolonizatsiya stepnykh oblastey v svyazi s voprosom o kochevom khozyaystve [Colonization of the steppe regions in connection with the issue of nomadic farming] // *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Omsk, 1895. Bk. XVIII, Issue II. P. 1–64. (In Russ.).

18. Makar'yeva N. V. Formirovaniye obraza konflikta v traditsionnom mentalitete [Formation of the image of conflict in the traditional mentality] // *Sotsial'nyye konflikty v istorii Rossii. Sotsial'nyye Konflikty v Istorii Rossii*. Omsk: OmGPU Publ., 2006. P. 17–19. (In Russ.).

19. Krott I. I. «Agrarnyye besporyadki» sibirskogo krest'yanstva i sel'skokhozyaystvennoye predprinimatel'stvo Zapadnoy Sibiri v usloviyakh revolyutsii (fevral' – oktyabr' 1917 g.) [«Agrarian riots» of the peasantry and agricultural entrepreneurship in Western Siberia during the revolution (February–October 1917)] // *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. Modern Problems of Science and Education*. 2014. No. 1. URL: <http://www.science-education.ru/115-12066> (accessed: 13.02.2014). (In Russ.).

20. Rossiya i Tsentral'naya Aziya. 1905–1925 gg. [Russia and Central Asia. 1905–1925] / Compiler D. A. Amanzholova. Karagandy: KSU Publ., 2005. 494 p. (In Russ.).

21. Suleymenov B. S., Basin V. Ya. Vosstaniye 1916 g. v Kazakhstane (prichiny, kharakter, dvizhushchiye sily) [The

uprising of 1916 in Kazakhstan (causes, character, driving forces)]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1977. 164 p. (In Russ.).

22. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical archive of the Omsk Region (HAOR)]. File: 279/1/88/55. (In Russ.).

23. Smorygin E. V. Proyavleniya deviantnogo povedeniya sibirskogo krest'yanstva kak rezul'tat izmeneniya psikhologii v revolyutsionnuyu epokhu 1917–1920 gg. (po materialam sibirskoy periodicheskoy pechati) [Manifestations of the deviant behavior of the Siberian peasantry as a result of a change in psychology in the revolutionary era of 1917–1920 (based on materials from the Siberian periodical press)] // *Voprosy metodologii i istorii v rabotakh molodykh uchenykh. Voprosy Metodologii i Istorii v Rabotakh Molodykh Uchenykh* / Ed. V. N. Khudyakov. Omsk: OmGPU Publ., 2005. Issue 8. P. 79–83. (In Russ.).

24. Omskiy Vestnik. *Omskiy Vestnik*. Omsk, 1917. November 25. P. 2–3. (In Russ.).

25. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. File: R-159/1/200/73–74. (In Russ.).

26. IAEO [HAOR]. File: R-1706/1/178/34. (In Russ.).

KROTT Ivan Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Interim Rector.

SPIN-code: 8764-8293

AuthorID (RSCI): 357113

Address for correspondence: ivkrott@mail.ru

For citation

Krott I. I. Conflict behavior in rural community of Siberia: agricultural entrepreneurs and «Kyrgyz population» in context of socio-cultural transformations of late XIX–early XX centuries // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 4. P. 45–50. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-45-50.

Received 14 October 2019.

© I. I. Krott